

УДК 811.161.1'373.612.2:821.161.1.08Маяковский

КОРТАВА Татьяна Владимировна,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия;

e-mail: tkortava@mail.ru; тел.: +7-499-252-40-21

МЕТАФОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В. В. МАЯКОВСКОГО

Анотация. Статья посвящена проблеме структурно-семантического и функционального разнообразия образно-оценочных и концептуальных метафор в поэтическом дискурсе В. В. Маяковского. Метафора — результат сравнения принципиально несходных объектов, неожиданная вербализованная аналогия. Яркость и самобытность метафор определяется потенциальной возможностью соединения гетерогенных явлений. Отход от традиционного взгляда на поэтическую метафору только как на художественный троп связан с когнитивным подходом к ней как к средству формирования концептосферы автора, интерпретация которой предположительно меняется в исторической перспективе.

Одним из постулатов когнитивистики является представление о том, что метафора формирует концепт, который может неоднозначно интерпретироваться воспринимающим его субъектом, потому что концепт — это динамичная совокупность индивидуальных представлений о действительности. Динамика восприятия имеет хронологический, психологический и социологический аспекты, поэтому когнитивный подход к изучению метафоры открывает междисциплинарные горизонты. Разработка в рамках когнитивного подхода проблематики метафорического поэтического дискурса позволяет представить метафору как средство визуализации языковой картины мира и наметить пути для её интерпретации в аспектах синтактики, семантики и прагматики.

Творческий гений В. В. Маяковского порождает не метафору в тексте, а поэтический метафорический дискурс.

Ключевые слова: поэтический дискурс, метафора, функция, концепт, Маяковский.

Внимание лингвистов к метафоре приковано уже более 2000 лет, и первые открытия были связаны с изучением поэтической метафоры. Основоположник метафорологии Аристотель видел основное назначение метафоры в украшении текста. Исследуя процесс создания метафоры, учёные долгое время придерживались точки зрения, что в основе ее появления лежит особый тип сравнения. Метафора — это результат сравнения принципиально несходных объектов, неожиданная вербализованная аналогия.

Представление о процессе возникновения метафоры не даёт человеку возможности приобрести умения и навыки её создания. Для этого необходим особый дар — метафорической концептуализации языковой картины мира. Неслучайно В. Ф. Одоевский отметил связь между метафорой и загадкой, которая открывает путь к познанию окружающей действительности: «Мы говорим не словами, но чем-то, что находится вне слов и для чего слова служат только загадками, которые иногда, но отнюдь не постоянно, наводят нас на мысль, заставляют нас догадываться, пробуждают в нас нашу мысль, но отнюдь не выражают её» [12, с. 185–186]. Писатель, таким образом, тонко подметил множественность мировосприятия, которая определяется метафорической загадкой.

Метафоры есть во всех языках; это неисчерпаемый источник их саморазвития, способ уловить индивидуальность конкретных предметов или явлений и передать оттенки их неповторимости. Яркость и самобытность метафор определяется потенциальной возможностью соединения гетерогенных явлений.

Долгое время отрицалось существование метафоры в языке науки. Например, позитивисты считали, что она мешает однозначному пониманию смысла научного текста. Но в наши дни метафора как способ вербализации новых научных знаний — это уже аксиома. В основе научного познания лежит творческий поиск, иногда содержащий элемент парадокса, неожиданной, нетрадиционной аргументации. И в этом случае метафора как средство вербализации когнитивного сдвига в новые сферы познания занимает прочные, незаменимые позиции в языке науки. Она не перефразируется, поэтому часто служит материалом для терминоворочества.

На современном этапе развития научных исследований, прежде всего прагматики, метафора из объекта лингвистики перешла в интегративную область — когнитивистику. Одним из постулатов когнитивистики является представление о том, что метафора формирует концепт, который может неоднозначно интерпретироваться воспринимающим его субъектом, потому что концепт — это динамичная совокупность индивидуальных представлений о действительности. Динамика восприятия имеет хронологический, психологический и социологический аспекты, поэтому когнитивный подход к изучению метафоры открывает междисциплинарные горизонты.

Принципиальное значение для изучения метафоры имеет понятие дискурса, которым оперирует когнитивистика. Оно изменило линейное представление о языке как системе знаков. Ему на смену пришла картина трехмерного пространства языка, учитывающая позиции говорящего, слушающего и интерпретатора. При дискурсивном подходе к тексту появляется возможность изучения вариативных представлений об одном и том же объекте или явлении, что определяется многообразием внеязыковой картины мира.

Часто метафоры дают упрощённое, линейное определение — употребление слова в переносном значении. В действительности метафора многогранна. Слово соединяется с образом не в словарном,

а в случайном значении, которое формируется в контексте за счёт неожиданных связей с другими языковыми средствами, чем и поражает воображение читателя или слушателя.

В рамках когнитивистики в последние годы получила активное развитие когнитивная поэтика, целью которой является трёхаспектное исследование метафоры в художественной речи. При этом основное внимание исследователей сосредоточено на метафоре не как способе украшения речи, а как средстве взаимодействия мышления, языка и культуры. Оба традиционных типа метафор (образно-оценочная и концептуальная) рассматриваются в единстве цели — концептуализации внеязыковой действительности.

В свете утверждения антропоцентрической лингвистической парадигмы многие метафоры, в том числе поэтические, характеризуются как антропоцентрические и антропоморфные, отражающие признаки человека, переносимые на другие объекты или явления действительности. Это естественно, потому что человек является субъектом процесса познания. Однако не все люди способны к метафорическому моделированию картины мира. Общеизвестно, что больные афазией не могут воспринимать метафоры, поскольку у них нарушена способность к метаязыковым операциям. Люди с низким уровнем развития и образования с трудом, после долгих толкований, понимают метафоры. Часто за фразой: «Я не люблю поэзию» скрывается принципиальная неспособность или ленивое безразличие к потенциальной множественности восприятия связей и аналогий в окружающей действительности, что, безусловно, упрощает и обедняет языковую картину мира таких людей.

В настоящее время в лингвистической литературе широко распространено мнение о трёхфазовом восприятии поэтической метафоры, предполагающем установление прямого значения слова; сопоставление этого значения с контекстным и поиск метафорического значения при наличии несоответствий. Но загадка психологической природы человеческого восприятия заключается в том, что фазы не следуют одна за другой, механизм искромётный, последовательность восприятия может быть индивидуальной, потому что, как известно, нельзя «поверить алгеброй гармонию».

Поэзия В. В. Маяковского является ярким примером этой невозможности. Она разрушает все схемы и классификации классической лингвистики и когнитивистики. Его творческий гений порождает не метафору в тексте, а поэтический метафорический дискурс. Примечательно, что поэт неустанно пропагандировал принципы своего словотворчества. Его многочисленные статьи, смелые выступления на диспутах, встречах с читателями отражают горячее желание донести смысл своей революционной борьбы за новый поэтический язык.

Маяковский — поэт на поле битвы за новый русский язык. В 1914 г. в статье «Война и язык» он сформулировал «военные задачи поэтов» — «пересмотр арсенала старых слов» и словотворчество с целью «острить слова» [9, с. 325–328]. Все поэты находятся в поиске различных форм, которые отражают ритм современной им жизни и остроту переживаний. Но вряд ли кто-то может соперничать с Маяковским в неутомимости этих поисков. Сила и мощь воздействия его стиха на читателя подобна морской стихии. Его тексты трудно подвергнуть дискретному лингвистическому анализу художественных средств. Блестящая, глубокая работа Г. О. Винокура «Маяковский как новатор языка», опубликованная ровно 70 лет назад, к 50-летию со дня рождения поэта, оставляет впечатление неисчерпаемости поэзии Маяковского и желание постичь неизвестное. Г. О. Винокур наглядно показал, что в своей «словопроизводственной игре» [4, с. 62] Маяковский использовал модели, потенциально существующие, спрятанные в системе национального русского языка, в его диалектах.

Для лингвистов особенно значимы рассуждения Маяковского о соотношении словесной формы и содержания. В статье «Два Чехова», написанной в 1914 г., Маяковский смело заявил, что не идея рождает слово, а слово рождает идею [8, с. 331]. Именно таким он представлял себе механизм своего творчества. Маяковский выступал против «старой словесной пыли», призывал поэтов упростить словесные выражения, уточнить языковую выразительность и спуститься с неба на землю, дать народу, *безязыкой улице*, новый язык.

Футиристические идеи чисто нигилистического отрицания «изнасилованных», по определению В. Хлебникова, слов В. В. Маяковский обогатил идеей создания словесного метафорического портрета новой революционной эпохи. Несмотря на хронологическую событийную приуроченность поэтических произведений Маяковского, стихия коренных преобразований и ветер перемен как результат эстетического восприятия поэзии Маяковского разрушают временные преграды и соответствуют духу любых изменений в исторической перспективе. И в наши дни его стихи звучат набатом.

Маяковский был лишён самолюбования, он старался «вывернуть себя» перед читателем, смело признавал ошибки:

*Я тоже
в бешеном темпе галопу
по меду слов языком колоколил,
ладонями рифм торжествуя хлопал.*

(Поэма «IV Интернационал», 1922)

Поразительно, что и образ поэта В. В. Маяковский создавал как сплав оценочной и концептуальной метафор, воплощая картину мира глазами своей Музы. Наиболее ярким, программным произведением в понимании сути метафорического поэтического дискурса является поэма «Облако в штанах», написанная в Одессе и датированная 1914–1915 годами. Поэма автобиографична: лирический герой

и поэт одновременно — *красивый, двадцатидвулетний, у него в душе ни одного седого волоса, окровавленный сердца лоскут, как небо меняет тона, одни сплошные губы.*

Метафорический дискурс разворачивается во всей полноте с первых строк, охватывая и поэта (лирического героя), и читателя, и интерпретатора. Поэт приглашает всех учиться любви. Любовь, нежная, боязливая, хрупкая, *смирный любёночек*, разрывает *жилистую громадину*. В первых строках поэмы поэт намеренно задевает *мысль* читателя, *мечтающую на размягчённом мозгу, как выжиревший лакей на засаленной кушетке*, призывая к состраданию и сопереживанию.

Ещё Г. О. Винокур подметил, что поэт осмысленно использовал в поэзии неcodифицированные грамматические формы, например: *Нежные, вы любовь на скрипки лблжжтегали любовь любому рождённому дадена*. Это своеобразная форма словесного протеста против *чинных чиновниц ангельской лиги*. Об этом и сам поэт писал в статье «Без белых флагов».

Метафорический словесный образ любви воплощается в одном из главных героев, уничтожается грань между словом и субъектом действия, концептуализируется мировосприятие, создаётся основа для множественности индивидуальных образов. В эту всеобъемлющую картину любви на фоне хмурого *декабрьского вечера, ушедшего в ночь*, вкраплены и *серые дождинки*, и образное сравнение лирического героя с нервом, и щемящее чувство тоски по украденной Джоконде. В поэме нет конкретного образа возлюбленной — есть метафора страдания от потери любви, от невозможности *выскочить из сердца*.

Поэт искусно включает читателя и интерпретатора в процесс сопереживания. Он боится непонимания, беспокойно ищет слова, понятные *безязыкой улице*, придавая своей метафоре воздействующую и продуцирующую функции. Поэт бессилён выразить себя *умершими словами, трупики которых разлагаются во рту*. Возникает метафорический образ толпы, алчущей *златоустейшего* поэтического слова, пророка, *идущего через горы времени*. Но его не видит никто. Образ поэта-жертвы напоминает горьковского Данко. Поэт обещает вытащить свою душу, растоптать, *чтоб большая*, и отдать её народу, *окровавленную, как знамя*.

Маяковского многие упрекали в том, что он слишком прямолинейно отражал время, следовал социальному заказу. Широко известна, например, полемика поэта с Б. Пастернаком. Однако проникновение в словесную ткань произведений Маяковского заставляет усомниться в приоритете социального содержания его поэзии. Маяковский — прежде всего словесный мастер. Революционные словесные опыты поэта отражают перемены в жизни, они естественным образом формируют антропоморфные концептуальные метафоры, создавая авторскую концептосферу.

Метафоры Маяковского могут быть не слишком пространными: *чёрствая булка вчерашней ласки, дождь обрыдал тротуар, губы спокойно перелистывает, плавлю лбом стекло окошечное, слезают слёзы с крыши в трубы, солнце моноклем вставляю в широко растопыренный глаз*, — но все они — блики единого концепта, трёхмерного отражения метафорического поэтического дискурса, который у каждого читателя вызывает свои представления о прочитанном.

Маяковский, как большой художник, обладал даром поэтического предчувствия. Вот как он рисует метафорическую картину будущего:

*Гром из-за тучи, зверя, вылез,
громадные ноздри заборно высморкал,
и небе лицо секунду кривилось
суровой гримасой железного Бисмарка.*

(Поэма «Облако в штанах», 1914–1915)

В этом примере присутствуют и словообразовательные метафоры, и образно-оценочные, но они неотделимы от авторского концепта грядущей опасности.

М. Цветаева, сравнивая Маяковского и Пастернака, писала, что Маяковский — поэт темы и что его поэзию можно перевести в прозу. С этим трудно согласиться. Поэтический дискурс Маяковского насквозь метафоричен, а метафора пересказу и переводу не поддаётся. Тематической приуроченности сопротивлялся и сам поэт (см. поэму «Про это», 1923 г.). Его единственная тема — метафорическое поэтическое «я», концепт поэтического слова в пространстве постоянно меняющегося во времени человеческого бытия. Но трудно не согласиться с М. Цветаевой в том, что Маяковский — «первый в мире поэт масс, первый русский поэт-оратор» и у него «один читатель — Россия» [13, с. 508].

Маяковский — грандиозный созидатель, не лишённый и высокой самооценки: «а я вам открыл столько стихов шкатулок» и самоиронии: «я — бесценных слов мот и транжир». Смысл его поэзии — в словотворчестве («я немало слов придумал вам»), словом он творил саму жизнь. Его произведения не приурочены к определённому историческому периоду — поэт всегда был устремлён вперед. Его метафорическое обращение к будущим читателям перешагнуло все временные границы и метафорическим облаком устремилось в «века истории»:

*Грядущие люди!
Кто вы?
Вот — я,
весь боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души.* («Ко всему», 1916)

Література

1. *Аристотель*. Поэтика (Об искусстве поэзии) / Аристотель. — М.: ГИХЛ, 1957. — 184 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора / Н. Д. Арутюнова // Поэтика и лингвистика. — М.: Наука, 1979. — С. 147–173.
3. *Валавин В. Н.* Словотворчество Маяковского (Опыт словаря окказионализмов) / В. Н. Валавин. — М.: Азбуковник, 2010. — 622 с.
4. *Винокур Г. О.* Маяковский как новатор языка / Г. О. Винокур. — М.: Сов. писатель, 1943. — 133 с.
5. *Горб Б. И.* Шут у трона революции: внутренний сюжет творчества и жизни поэта и актёра серебряного века Владимира Маяковского / Б. И. Горб. — М.: Улисс-медиа, 2001. — 612, 116 с.
6. *Купина Н. А.* Лирика раннего Маяковского. Лингвистический анализ / Н. А. Купина. — Свердловск: УрГУ, 1988. — 88 с.
7. *Манин Ю. И.* Математика как метафора / Ю. И. Манин. — М.: МЦНМО, 2008. — 400 с.
8. *Маяковский В. В.* Два Чехова / В. В. Маяковский // Стихотворения. Поэмы. Статьи. — М.: Аст Олимп, 1996. — С. 325–332.
9. *Маяковский В. В.* Война и язык / В. В. Маяковский // Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Гослитиздат, 1955. — Т. 1. — С. 325–328.
10. *Маяковский В. В.* Наша словесная работа / В. В. Маяковский // Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Гослитиздат, 1959. — Т. 12. — С. 448–449.
11. *Маяковский В. В.* Облако в штанах / В. В. Маяковский // Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Гослитиздат, 1955. — Т. 1. — С. 173–196.
12. *Одоевский В. Ф.* Сочинения в двух томах / В. Ф. Одоевский. — М.: Худож. лит., 1981. — Т. 1. — С. 185–186.
13. *Цветаева М. И.* Эпос и лирика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак) / М. И. Цветаева // Стихотворения. Поэмы. Статьи. — М.: Аст Олимп, 1996. — С. 505–529.
14. *Шувалов В. И.* Метафорический дискурс / В. И. Шувалов. — М.: Прометей, 2005. — 148 с.

References

1. *Aristotel*. Poetika (Ob iskusstve poezii) / Aristotel. — M.: GIKhL, 1957. — 184 s.
2. *Arutyunova N. D.* Yazykovaya metafora / N. D. Arutyunova // Poetika i lingvistika. — M.: Nauka, 1979. — S. 147–173.
3. *Valavin V. N.* Slovtvorchestvo Mayakovskogo (Opyt slovarya okkazionalizmov) / V. N. Valavin. — M.: Azbukovnik, 2010. — 622 s.
4. *Vinokur G. O.* Mayakovskiy kak novator yazyka / G. O. Vinokur. — M.: Sovetskiy pisatel', 1943. — 133 s.
5. *Gorb B. I.* Shut u trona revolyutsii: vnutrenniy syuzhet tvorchestva i zhizni poeta i aktera serebryanogo veka Vladimira Mayakovskogo / B. I. Gorb. — M.: Uliss-media, 2001. — 612, 116 s.
6. *Kupina N. A.* Lirika rannego Mayakovskogo. Lingvisticheskiy analiz / N. A. Kupina. — Sverdlovsk: UrGU, 1988. — 88 s.
7. *Manin Yu. I.* Matematika kak metafora / Yu. I. Manin. — M.: MTsNMO, 2008. — 400 s.
8. *Mayakovskiy V. V.* Dva Chekhova / V. V. Mayakovskiy // Stikhotvoreniya. Poemy. Stati. — M.: Ast Olimp, 1996. — S. 325–332.
9. *Mayakovskiy V. V.* Voyna i yazyk / V. V. Mayakovskiy // Poln. sobr. soch.: v 13 t. — M.: Goslitizdat, 1955. — T. 1. — S. 325–328.
10. *Mayakovskiy V. V.* Nasha slovesnaya rabota / V. V. Mayakovskiy // Poln. sobr. soch.: v 13 t. — M.: Goslitizdat, 1959. — T. 12. — S. 448–449.
11. *Mayakovskiy V. V.* Oblako v shtanakh / V. V. Mayakovskiy // Poln. sobr. soch.: v 13 t. — M.: Goslitizdat, 1955. — T. 1. — S. 173–196.
12. *Odoevskiy V. F.* Sochineniya v dvukh tomakh / V. F. Odoevskiy. — M.: Khudozh. lit., 1981. — T. 1. — S. 185–186.
13. *Tsvetaeva M. I.* Epos i lirika sovremennoy Rossii (Vladimir Mayakovskiy i Boris Pasternak) / M. I. Tsvetaeva // Stikhotvoreniya. Poemy. Stati. — M.: Ast Olimp, 1996. — S. 505–529.
14. *Shuvalov V. I.* Metaforicheskiy diskurs / V. I. Shuvalov. — M.: Prometey, 2005. — 148 s.

Кортэва Тетяна Володимирівна,

доктор філологічних наук, професор, зав. кафедри російської мови для іноземних студентів природничих факультетів Московського державного університету імені М. В. Ломоносова; Москва, Росія;
e-mail: tkortava@mail.ru; тел.: +7-499-252-40-21

МЕТАФОРА В ПОЕТИЧНОМУ ДИСКУРСІ В. В. МАЯКОВСЬКОГО

Анотація. Статтю присвячено проблемі структурно-семантичного та функціонального розмаїття образно-оцінних і концептуальних метафор у поетичному дискурсі В. В. Маяковського. Метафора — результат порівняння принципово несхожих об'єктів, несподівана вербалізована аналогія. Яскравість і самобутність метафор визначається потенційною можливістю поєднання гетерогенних явищ. Відхід від традиційного погляду на поетичну метафору лише як на художній троп пов'язано з когнітивним підходом до неї як до засобу формування концептосфери автора, інтерпретація якої ймовірно змінюється в історичній перспективі.

Одним із постулатів когнітивістики є уявлення про те, що метафора формує концепт, який може неоднозначно інтерпретуватися суб'єктом, що сприймає його, бо концепт — це динамічна сукупність індивідуальних уявлень про дійсність. Динаміка сприйняття має хронологічний, психологічний та соціологічний аспекти, тому когнітивний підхід до вивчення метафори відкриває міждисциплінарні горизонти. Розробка у рамках когнітивного підходу проблематики метафоричного поетичного дискурсу дозволяє представити метафору як засіб візуалізації мовної картини світу і визначити шляхи її інтерпретації в аспектах синтактики, семантики і прагматики.

Творчий геній В. В. Маяковського породжує не просто метафору в тексті, а поетичний метафоричний дискурс.

Ключові слова: поетичний дискурс, метафора, функція, концепт, Маяковський.

Tatyana V. Kortava,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor, Head of Department of the Russian language for Foreign Students of Natural Sciences Faculties of Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia;
e-mail: tkortava@mail.ru; тел.: +7-499-252-40-21

METAPHOR IN THE POETIC DISCOURSE OF V. V. MAYAKOVSKY

Summary. This article considers the issues of semantic structure and functional diversity of figurative and evaluative metaphors as well as conceptual metaphors in the poetic discourse of V. V. Mayakovsky. Metaphor is the result of a comparison

between two objects which in principle are not related, it is an unexpected and verbalized analogy. The expressiveness and originality of metaphors is determined by their ability to link heterogeneous concepts. The traditional view of the poetic metaphor as an artistic trope only has been modified in favour of the cognitive approach suggesting that the metaphor is a method of forming the conceptual sphere of the author. Specifically, the interpretation of metaphors is supposed to depend on a historic perspective.

One of the propositions of the cognitive theory suggests that the metaphor shapes the concept which may be given different interpretations by an individual attempting to interpret this concept, because the concept represents a dynamic combination of individual views on the reality. Since the dynamics of perception contains chronological, psychological and social aspects, a cognitive approach to studying metaphors opens interdisciplinary horizons. The analysis of metaphors used in poetic discourse following a cognitive approach allows us to present the metaphor as a method to visualize a linguistic image of the world and design ways for its interpretation from semantic, syntactic and pragmatic perspectives.

The creative genius of V. V. Mayakovsky gives birth to a poetic metaphor discourse and not just a metaphor within a text.

Key words: poetical discourse, metaphor, function, concept, Mayakovsky.

Статью получено 12.09.2013 г.

УДК 811.161.1'42'373.23 Маяковский

ЛАППО Марина Александровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»; Новосибирск, Россия;
e-mail: lama2046@yandex.ru; тел.: +7(383)341-54-84; моб.: +7-913-753-9991

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ И ПРОЗАИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ В. МАЯКОВСКОГО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье анализируется динамика личностного самосознания и самовыражения Владимира Маяковского на разнородном материале 1913—1930 г.г. (поэтические тексты, эссе, заметки, выступления). К анализу междисциплинарных явлений идентичности и вербальной самоидентификации привлекаются лингвистические инструменты: категории *выражения* и *описания* внутреннего мира человека, понятия языковой референции, типа дискурса, речевого действия, *конструирования* и *отражения* действительности, типа номинации. Автор приходит к выводу о том, что поэтический дискурс обладает не меньшим, по сравнению с прозаическим текстом, потенциалом отражения идентичности говорящего. Отчасти это объясняется стремлением Маяковского к отождествлению со своим лирическим героем. Другим доводом является отмеченная Г.-Г. Гадамером специфическая особенность поэтического высказывания к «приросту бытия», а также, по О. Г. Ревзиной, его способность к «исключительно глубокому познанию мира». Сходство поэтической и прозаической самоидентификации у В. Маяковского заключается в постоянном поиске себя, непрерывной смене номинаций, отражающей динамику его личностного самосознания. Различие самоидентификации в разных типах дискурсов связано с направленностью на разные виды идентичности. Самоидентификация в поэтической речи В. Маяковского выполняет функцию конструирования личностной идентичности, а самоидентификация в прозе конструирует его социальную идентичность.

Ключевые слова: самоидентификация, самономинация, поэтический дискурс, прозаический дискурс, Маяковский.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-54-00005 «Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности».

Тема данной статьи связана с двумя спорными вопросами современной лингвистики: во-первых, с возможностью собственно лингвистического анализа феноменов идентичности и самоидентификации, во-вторых, с возможностью выражения и/или конструирования идентичности автора в поэтическом тексте.

Самоидентификация в данной работе не отождествляется с идентичностью, как это принято в ряде исследований (напр.: «Термины «самоидентификация», «самосознание», «личностная идентичность» тесно связаны, имеют инвариантное начало, поэтому будут использоваться нами как синонимы» [14]). Напротив, эти термины разводятся, а самоидентификации придаётся статус специфического речевого действия, процесса, в ходе которого выражается или конструируется идентичность. Все виды идентичности — психофизиологическая, социальная и личностная [3] могут так или иначе отражаться в речи. Однако в дискурсе наиболее выпукло актуализируется социальная идентичность. Социальная идентичность — принадлежность, стремление к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей. Под самоидентификацией мы понимаем вербальное действие выражения или описания идентичности говорящего субъекта. Цель данного действия — обозначить, сформировать и утвердить своё место в совокупности всех людей: выделить себя из массы и/или приписать себя к своей референтной группе. Референтная группа, в свою очередь, это социальная общность (воображаемая или реальная) людей, служащая для субъекта источником ценностей и норм, членом которой он состоит или желает оказаться; это некие важные, авторитетные люди, на мнение которых субъект, как правило, опирается в своей жизнедеятельности.

Конструкционизм критически относится к репрезентационному потенциалу речевых актов самоидентификации. Так, Л. В. Енина и Э. В. Чепкина считают, что говорящий субъект, не имея устой-